

Е.К. Никанорова

Новосибирский государственный педагогический университет

**Мотив неузнанного императора в его сюжетных и текстовых
модификациях (на материале исторических анекдотов
XVIII – первой половины XIX веков)**

Аннотация: Предметом исследования является традиционный мотив неузнанного, или не сразу узнанного императора, послуживший основой исторических анекдотов о русских самодержцах от Петра Великого до Николая I. Прикрепление мотива к разным историческим лицам неизбежно сказывается на характере его сюжетных воплощений, каждое из которых можно рассматривать как частный случай изменений в сфере общественного и литературного самосознания. Трансформация, которую претерпевает мотив на протяжении своего длительного функционирования, позволяет поставить вопрос о соотношении постоянных и переменных величин в его структуре и семантике. Между переменными величинами – именем государя, целью, по которой он предпочитает остаться неузнанным, и характером первичной идентификации – существует определенная зависимость, установление которой и составляет задачу настоящей статьи.

The subject of this study is a traditional motive of unrecognized or not at once recognized Emperor that had been used as a basis for the historical anecdotes about Russian Czars beginning from Peter The Great and ending with Nikolay I. Being applied to different historic persons the motive inevitably has an effect on the way its plot is embodied. Each embodiment may be considered as a particular case of the changes in public and literary self-consciousness. The transformation the motive undergoes in the course of its long usage is a good reason to raise a question about a proportion of constants and variables in its structure and semantics. There is certain dependence between the name of the Czar, the purpose why he prefers to stay unrecognized and the nature of the primary identification, so this paper is intended to determine this dependence.

Ключевые слова: анекдот, власть, образ, сюжет, мотив, вариант, трансформация, контекст, традиция, монархия.

Anecdote, power, image, subject, motive, version, transformation, context, tradition, monarchy.

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Виллюйская, 28. НГПУ, Институт филологии, массовой информации и психологии (ИФМИП), кафедра русской литературы и теории литературы. Тел. (3822) 2680630. E-mail: ifmip@nsru.net.

Мотив «неузнанного императора» (или императора, путешествующего инкогнито) относится к числу традиционных в литературе и фольклоре. Литературная традиция восходит, по всей вероятности, к «Изречениям царей и полководцев» Плутарха.

«Антиох во время второй войны своей с парфянами на охоте погнался за зверем, отбился от друзей и служителей и набрел, неузнанный, на хижину бедняков. Здесь за ужином случайно зашел при нем разговор о царе – о том, что он всем бы хорош, только слишком слушается дурных друзей и поэтому многого не видит и часто, увлекаясь охотой, упускает нужные дела. Он промолчал; а наутро, когда

явились к хижине его телохранители, он открыл себя, надел багряницу и диадему, но сказал: “Право, с тех пор, как я принял над вами власть, до вчерашнего дня не слышал я о себе ни единого правдивого слова”» [Плутарх, 1990, с. 356].

В этом тексте представлены основные звенья сюжетной схемы: выход царя за пределы привычного локуса, случайная встреча, во время которой подданные его не узнают и потому свободно высказываются по поводу личности правителя и характера власти, раскрытие инкогнито благодаря знакам царской власти. Смысловой акцент приходится на финальную реплику царя, осознающего невозможность услышать истину от своего ближайшего окружения.

Другой сюжетный вариант, включающий мотив неузнанного императора (далее – НИ), был представлен сказками «1001 ночи». В многочисленных историях о похождениях переодетого Харуна ар-Рашида смысловый эффект переносится на благополучный для подданных исход встречи с халифом, функция которого состоит в том, чтобы «все уладить в финале: исправить несправедливость, помочь нуждающимся, помирить поссорившихся влюбленных и вообще сделать всех счастливыми» [Герхардт, 1984, с. 381].

Для русской литературы XVIII – начала XIX вв., в силу ряда причин, наиболее актуальным оказался сказочный вариант сюжета, который можно назвать «благодеянием неузнанного императора» (далее – БНИ), поддерживавший веру в царя – защитника, судью и благодетеля.

Если на первом этапе работы с текстами, построенными по схеме БНИ, нас в большей степени интересовали вопросы, связанные с генезисом, структурой и семантикой сюжетной схемы [Никанорова, 1995, с. 39–52], то впоследствии интерес сместился в сторону вариантов, отступлений от нее. Изучение исторических анекдотов о российских самодержцах показало, что мотив НИ входит в число «ядерных» мотивов, наиболее часто воспроизводимых в отношении лиц, наделенных властью. Неизбежные трансформации, которые претерпевает мотив на протяжении своего длительного функционирования, позволяет поставить вопрос о соотношении постоянных и переменных величин в его структуре и семантике и о причинах, влияющих на появление новых сюжетных модификаций или актуализации традиционных. Решение этих вопросов позволит, в свою очередь, прояснить парадигматику мотива, знание которой помогает выявить подтекстовые уровни смысла, не выводимым из отдельного анекдота¹.

Константными, наиболее устойчивыми элементами мотива НИ, являются следующие:

- исходная ситуация встречи, происходящей за пределами дворца;
- ее участники – государь, которому отводится роль агенса, и подданный, выполняющий функцию пациенса;
- интрига, определяемая движением от неузнания к узнаванию;
- причины неузнания: подданный лично не знает государя, а государь не имеет отличительных знаков власти.

К числу *переменных* величин, относятся:

- имя властителя и характер его действий по отношению к подданному;
- причина, по которой он оказывается за пределами дворца;
- характер первичной идентификации (за кого принимает подданный встреченного им государя).

Очевидно, что между именем властителя, причиной его выхода из дворца и характером идентификации существует зависимость, установление которой составляет одну из задач данной статьи.

---

¹ «Семантика мотива не только интертекстуальна, но и ... парадигматична. Она опирается на “знание традиции”, значительно более широкое, чем то, которое манифестируется в отдельном тексте; мотив принадлежит не ему, а всей традиции в целом» [Неклюдов, 2004, с. 243–244].

Для ее решения рассмотрим анекдоты, в которых «неузнанными» выступают российские самодержцы, начиная с Петра I и заканчивая Николаем I¹.

Наиболее репрезентативными сюжетами, связанными с именем Петра, являются обучение мастерству и совершенствование в нем, испытание часового и БНИ.

Стремление придать образу идеального государя, каким виделся Петр I, черты достоверности нашло выражение в соединении традиционного мотива с темой личного участия царя в труде.

В качестве примера можно привести два анекдота, один из которых сложился под определяющим влиянием отечественных преданий о царе-работнике, а другой – под воздействием традиционной литературной схемы.

В первом случае речь идет о посещении государем завода, где он «не только осмотрел все работы и все принадлежащие к заводам материалы и вещи, но и своими руками благоволил отсечь от крицы большой кусок железа». «Повествуют, что его величество, приступая к работе сей, потребовал от одного близстоящего работника рукавиц, но сей, *не ведая, что то был государь*², сказал с простоты: «Приготовь сте свои». Монарх, взглянувши на него с усмешкою, сказал: «Правда, каждому свое дорого», – и принялся за работу, а в то же время и бывшие в свите его придворные и бояра принуждены были, по приказанию его величества, носить уголья, раздувать огонь и другия сему подобныя исправлять должности» [Беляев, 1798, с. 183–184].

Во втором анекдоте Петр, переодетый в «шипорское платье», помогает английским матросам стащить с мели торговый корабль и приводит его к Бирже. Узнавание происходит во время встречи в «государевом дворце», когда шкипер предстает «в виде монарха, стоящего с монархиною в окружении придворных чинов». История эта, как полагает Голиков, служит примером «склонности царя к таковому роду забав» и его великодушия по отношению к английскому купцу [Голиков, 1796. № XXV].

Афористическим выражением многочисленных историй подобного рода можно считать строки из «Надписи» Ломоносова:

«Рожденны к скипетру, *простер в работу руки,*
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки»
[Ломоносов, 1965, с. 223].

С темой личного участия царя в труде связан и другой сюжет, основанный на мотивах НИ, испытания, наказания и награды. Сопровождаемый только одним денщиком, Петр осматривает караулы и, сказавшись купцом, просит пропустить его через рогатку за деньги. Цель – проверить часовых на верность присяге. На вопрос, зачем трудиться самому, когда можно послать кого-нибудь другого, Петр отвечает: «Когда часовые могут изменять, то кто же лучше испытать то может, как я сам?» [Голиков, 1796, № XCVI].

Рассказ, сюжетной основой которого является благодеяние Петра, встречается в сборнике, составленном под влиянием книжных источников – анекдотов об Иосифе II и сказок о Гаруне ар-Рашиде. Благодеяние заключается в восстановлении справедливости по отношению к капитану, отличившемуся при взятии Орешка, и в устройстве судьбы его дочери. Но и в этом анекдоте фоном проходит тема личного участия царя в труде, ибо встреча неузнанного царя с дочерью офицера

---

¹ Это не значит, что функционирование мотива прекращается в последующее время, реактуализация его происходит в XX в. применительно к Ленину, Сталину и др., но это тема отдельного исследования.

² Здесь и далее в цитатах курсив мой.

происходит на пути Петра в Воронеж, куда он направлялся для строительства кораблей [Нартов, 1891, № 37].

Таким образом, мотив НИ, соединяясь с именем Петра Великого, являет образ царя-работника на троне, стоящего на страже общего блага, включающего «поправление полезной юстиции и полиции» [ПСЗ, 1830, № 3534, с. 141]. Мотив личного участия царя в труде, находя опору в фактах биографии Петра, особенно-стях его характера и поведения, вместе с тем как нельзя более отвечал пафосу практического преобразования мира, сотворения новой России.

Сюжет, в котором сокрытие имени помогает царю узнать правду, в анекдотах о Петре не встречается. Устроитель российского государства, по мнению апологетов его правления, выслушивал «колкие истины» от любого, кто решался их высказать, что избавляло его от необходимости «тайных выходов» в народ. Это представление, поддержанное историческими рассказами и повестями первой половины XIX в., оказалось на редкость устойчивым, подтверждением чему служит, в частности, секретная «Записка» Н. Кутузова, поданная им Николаю I в 1841 г.

Полагая, что число способов, которыми истина становится доступной государю, крайне ограничено, одним из наиболее действенных Н. Кутузов считает «хождение» государя в народ и народа к государю. «Мешаясь *тайно и явно* среди самого народа, лично прислушиваясь к его голосу и нуждам и допуская к себе всякого», монарх может узнать о подлинном состоянии дел, подтверждением чему служат правления Петра Великого, Гаруна-Аль-Рашида и турецкого султана Махмуда» [Гершензон, 2001, с. 206].

Из тех лиц, что занимали российский престол после Петра, только Екатерина II и Павел I оказываются доступны истине, что же касается правления Александра I и Николая I, то люди, окружавшие их престол, «составили ограду, чрез которую никакие злоупотребления... не видны и голос угнетения и страданий... не слышен» [Там же, с. 206].

Мнение Кутузова является важным для нас, ибо принадлежит человеку, безусловно преданному монархической идее, но при этом сохранившему способность трезво судить о недостатках и просчетах правителей. Кроме того, примеры, что он приводит, и имена, которые он называет, свидетельствуют, что его представление о российских самодержцах складывается не без влияния устных рассказов и анекдотов о них¹.

Основываясь на высказанных в «Записке» суждениях, можно предположить, что мотив императора, совершающего тайные выходы из дворца, окажется нерелевантным в отношении Павлу I и, напротив, востребованным во времена Александра I и Николая I.

Отчасти это ожидание является оправданным: действительно, мотив НИ является основой многочисленных историй о наследниках Петра Великого, но, как правило, он не связан ни с темой мастерства, ни с темой восстановленной справедливости.

В анекдотах о Павле мотив НИ встречается, по крайней мере, в двух сюжетных вариантах, каждый из которых, являясь вполне традиционным, включает в себе – в сравнении с рассказами о Петре – некий смысловой сдвиг.

Использование готовых сюжетных схем, связанных с именем Петра I, вполне понятно: стремление подражать во всем своему великому прадеду – отличительная черта павловского правления, анекдоты же служили моделью должного поведения в определенной ситуации (см.: [Порошин, 2004, с. 152]).

---

¹ Так, в качестве примера самозабвенного служения пользе государства и славе государя он приводит анекдот о Я. Долгорукове, разорвавшем царский указ [Гершензон, 2001, с. 212].

Первый вариант, восходящий к схеме БНИ, представлен рассказом, повествующим о «примерном снисхождении и милости Павла Первого к простолюдинам». Действие отнесено к тому времени, когда Павел, будучи наследником престола, жил в Гатчине и, «подобно обыкновенному человеку, с простотою, свойственно одним добрым хозяевам, принимал всех его посещающих...»

«В один день государь... пошел посмотреть на работающих и позади сада увидел роющего канаву молодого чухонца, которой, надобно знать, что *никогда не видывал и потому не знал лично императора*. Он подошел к нему, завел с ним разговор, и между прочим просил его, чтобы он дал ему *несколько покопать заступом*. Чухонец подал заступ. И государь, *порывшись оным немного*, отдал ему обратно и спросил потом: давно ли он тут находится? Что заставило его оставить дом свой и придти на работу? Имеет ли он жену, и как поживает его семейство? – Если ты очень беден, – примолвил император, – и имеешь в чем нужду, то проси меня: я помогу тебе». Чухонец ответил, что он всем доволен и недостает ему только хорошей коровы. Осведомившись о цене, Павел дал работнику 4 червонца и, назвав себя другим именем, велел приходить на другой день во дворец. «Чухонец сдержал свое слово, пришел во дворец, введен был в комнаты, и увидел в них, кого же? – своего государя, который, приняв милостиво и пожаловав его ему еще несколько червонных, отпустил его» [Тыртов, 2006, с. 332–333].

Как видим, смысловой акцент сделан на тему милости и снисхождения, слабым отзвуком «петровского сюжета» является желание цесаревича «немного порыть заступом», а в остальном действие развивается по сентиментальному сценарию: Павел исполняет роль идеально доброго хозяина, проявляющего интерес к семейной жизни своего работника, чухонец – идеального работника, который всем доволен» и озабочен лишь тем, как вернуть полученные от незнакомца деньги.

Второй анекдот являет собой предельно редуцированный и далекий от апологетики вариант сюжета, связанного с испытанием часовых.

«В другой раз, когда он (Павел I. – *Е.Н.*) в *неурочный час, украдкой* проходил перед одной из своих гауптвахт, офицер, *не зная его в лицо*, не отдал своим солдатам приказа выйти. Он немедленно вернулся, дал офицеру пощечину, приказал отобрать у него оружие и посадить под арест» [Массон, 1996, с. 131].

В одном из поздних сборников встречается текст, который можно считать пародией на исходную ситуацию, представленную мотивом НИ:

«Однажды Павел сказал Ростопчину: «Ростопчин! Ростопчин! Пойдем, походим по саду инкогнито!» Это инкогнито заключалось в том, что Павел и его любимец вместо мундира надевали военный сюртук, который назывался юберрок...» [Гено, Томич, 1901, с. 110].

Таким образом, анекдоты, построенные на мотиве НИ и отнесенные ко времени правления Павла, будучи прочитаны на фоне предшествующей традиции, представляют собой ее трансформацию: облик императора заметно лишается героического ореола, становится более партикулярным, или сближается с образом тирана, или же являет собой пародию на предшествующие образцы.

Участие императора в труде, если не считать таковым проверку и контроль, имеет демонстративно подражательный характер, а желание «походить инкогнито» вызывает ассоциации не столько с Петром I, сколько с Гаруном ар-Рашидом, покидавшим дворец для рассеяния скуки.

Как уже отмечалось выше, актуализация мотива НИ происходит во времена правления Александра I и Николая I, объяснением чему служат не столько реальные факты их биографии или особенности характера, сколько тот способ репрезентации власти, который каждый из них считал предпочтительным для себя.

Доброта, скромность и снисхождение – составляющие того образа «человека на троне», который разыгрывал Александр на протяжении своего царствования. Многочисленные поездки по стране мотивировались не только «бегством от от-

ветственности», но и желанием сохранить верность избранному идеалу поведения: «Александр перенес свой вариант сценария дружбы подальше от столицы – туда, где ему легче было изображать себя простым смертным, давать трогательные представления скромности и смирения» [Уортман, 2004, с. 317].

Стремление императора играть роль «простого человека» делает практически неизбежным появление мотива НИ, организующего рассказы о «странствованиях» Александра, что не преминул отметить А. Дюма: «...Понятно, что строго соблюдавшееся императором во время его вояжей инкогнито время от времени приводило к забавным недоразумениям» [Дюма, 1993, с. 79].

Подражание Петру – другая, не менее важная, хотя и не столь очевидная составляющая поведенческого сценария Александра, в силу чего мотив личного участия императора в труде неоднократно встречается в описаниях его поездок по России, но при этом не контаминируется с мотивом НИ. В отличие от Петра, который любил ручной труд и скрывал свое имя для овладения секретами мастерства, Александр отнюдь не стремился преуспеть в ремесле, участие в труде для него (как, впрочем, и для Павла) – риторический жест, подчеркнутая демонстративность которого избавляла от необходимости скрывать свое имя (см.: [Александр I, 1826, с. 72, 81–82].

Только один раз мотив НИ соединяется с темой личного участия царя в труде, – в анекдоте, где речь идет о спасении утопающего и возвращении его к жизни [ИРА, с. 73–75].

Целью этого и других, подобных ему, жестов было, как полагает Р. Уортман, «представление... его исключительной добродетели, его способности сочувствовать тем, кто находится настолько ниже его, и подтверждение необыкновенной его натуры» [Уортман, 2004, с. 320].

Тема нравственного совершенства Александра, соединяясь с мотивом НИ, чаще всего представлена ситуацией испытания, которая варьируется в зависимости от социального статуса подданного.

В первом варианте государь, путешествуя в «скромном костюме» – мундире или сюртуке без всяких воинских отличий, заходит в некий дом, где встречается с малороссиянином, имеющим о себе, по причине «немаловажного чина», высокое мнение. Между ними происходит диалог, во время которого каждый пытается отгадать, кем – по чину и званию – является его собеседник. После императора наступает очередь малороссиянина, который, добравшись до самых высоких чинов, с ужасом понимает, с кем имеет дело [Дюма, 1993, с. 79–81; Преображенский, 1991, с. 138–140]. Император не без удовольствия играет свою роль, предвидя финальный эффект раскрытия инкогнито, но при этом помнит о своем долге – воспитывать подданных личным примером, в данном случае – примером вежливости и скромности.

В другой раз собеседником Александра оказывается возница, который нисколько не догадывается, с кем он разговаривает, а раскрытие инкогнито происходит уже в отсутствие императора кем-нибудь из его ближайшего окружения [Дюма, 1993, с. 75–76].

Смирение, демонстрируемое Александром во время встреч с простолюдином, могло доходить до самоумаления, примером чему служит рассказ о том, как государь, будучи застигнут непогодой во время прогулки, просит мужика подвезти его в город. Тот соглашается, но не сразу, а только после трехкратного возобновления просьбы: «Да сидай уже так позади, да спусти ноги з вoзy, щoб грязью мешки не перепачкав». «Государь покорился и сел, как ему было позволено <...>. Так они к дворцу и подъехали. <...> Лишь прошел император на крыльцо, как дежурный офицер подошел к нему и спросил: «Где ты взял царя?» – «А хибa ж се царь? – заревел мужик. – Да як бы я знав, щo вин царь, то я его з ноженькамы посадыв ни мешки. да и кобеняком прикрыв бы». И с этим, бросивши телегу, пус-

тился бежать. Его задержали и вышедший лакей подал двадцатипятирублевую бумажку» [Преображенский, 1991, с. 141–143].

Ближайшими предшественниками подобных историй следует, видимо, считать не столько анекдоты о просвещенных государях, сколько предания о христианских подвижниках, прославившихся смирением и кротостью. В качестве параллели можно привести «Житие Феодосия Печерского», включающее два эпизода, в которых мотив неузнания связан с фигурой преподобного – «земного ангела и небесного человека». Первый эпизод – встреча игумена с княжеским возницей, который принимает его за простого монаха из-за надетой на него худой, ветхой, а второй – рассказ о бедной вдове, пришедшей просить Феодосия о заступничестве перед судьей [Житие... 1978, с. 345–347, 385]. Основой второго эпизода служит сюжет восстановленной справедливости, который впоследствии, в условиях секуляризованной культуры Нового времени, будет соединяться уже не с духовным лицом, а со светской властью.

Житийные ассоциации, присущие анекдотам об Александре, объясняются также влиянием одической традиции XIX в., превозносившей Александра как «ангела кротости» над прочими царями. «Он был на троне человеком, каким описал его в своей оде Державин. Но российский император не мог быть просто человеком... Пост требовал возвышения, и идеализация его личности нашла свое выражение в метафоре ангела. Образ ангела превозносил его человечность и смирение; он поднимал его над простыми смертными...» [Уортман, 2004, с. 260–261]

Итак, в рассказах об Александре I мотив НИ включается в ситуацию испытания, но не на верность воинскому уставу, а на наличие или отсутствие у подданного определенных нравственных качеств; и если собеседник царя не всегда оказывается на должной высоте, обнаруживая высокомерие, тщеславие и грубость, то Александр неизменно демонстрирует вежливость, снисходительность и скромность.

К александровскому времени относится анекдот, где субститутотом неузнанного императора, восстанавливающего попорченную справедливость, выступает Аракчеев, что вполне понятно, учитывая ту роль, которую играл царский фаворит в управлении гражданскими делами [ИРА, 2000, с. 116–118].

Личность Николая I менее всего способна была вызвать ассоциации с «ангелом кротости». Но изменение сценария власти не отменило той роли, которую она себе присвоила – быть высшим авторитетом, примером и образцом для подданных во всем. Дистанция между властителем и народом преодолевается благодаря инициативе государя, который, оставаясь неузнанным, следит за соблюдением подданными правил должного поведения, наставляет и оказывает благодеяния.

Известная склонность Николая к одиноким прогулкам как нельзя более способствовала функционированию многочисленных слухов о встречах императора с не узнавшими его подданными.

Так, например, М.А. Корф приводит в своих «Записках» три анекдота, построенных на мотиве НИ.

В двух из них речь идет о том, как молодые люди (в одном случае, студенты Петербургского университета, уроженцы Остзейских губерний, в другом – офицер путей сообщения из поляков) при встрече с императором, совершавшим прогулку в генеральском мундире, нарушают нормы поведения, приличествующие воспитанному человеку: студенты ему не кланяются, а офицер толкает его и не извиняется. Меры по исправлению принимаются немедленно: Николай, не называя себя, делает молодым людям внушение¹ и отдает повеление идти на гауптвахту. По отбытии наказания происходит вторая встреча и узнавание в генерале им-

---

¹ Так, например, поляк Янкевич получает такое наставление от Николая: «...Милостивый государь, по улице надо ходить осторожнее, а если случится кого задеть, то должно по крайней мере извиниться, хотя б то был мужик» [Корф, 2003, с. 301].

ператора, после чего следует еще одно, но уже «отеческое увещание», и благополучный финал: всех отпускают по домам без дальнейших последствий [Корф, 2003, с. 84–85, 300–301]¹.

В третьем анекдоте Николай видит будочника и извозчика, едущих к квартальному надзирателю «на расправу». Приняв императора за пристава, они обращаются к нему с просьбой их рассудить и рассказывают о причине спора. Николай выслушивает обоих, признает извозчика виновным и, «выдав себя за принадлежащего тоже к полиции», велит будочнику отвезти провинившегося к частному приставу для наказания [Корф, 2003, с. 108].

Во всех трех случаях император берет на себя, по сути, полицейские функции, которые никоим образом не противоречат избранной им роли. «Николай исполнял свой сценарий, стремясь подчеркнуть свою близость, свое внутреннее слияние с народом. Он был и «всевидающим» монархом, вникающим во все предметы, государственные или частные, и вездесущим монархом, чья личность, казалось, пропитывает собою всю империю. <..>) Литература о поездках Николая по империи, его прогулках по Петербургу сотворила образ монарха, который не только наблюдает свыше за своим народом, но и появляется среди него. Он создал впечатление своего личного участия во всем...» [Уортман, 2004, с. 394].

Другой сюжетный вариант представлен разными текстовыми воплощениями традиционной схемы БНИ. По этому типу строятся анекдоты из сборника И.В. Преображенского, составленного «преимущественно для школьных библиотек» и выполнявшего совершенно определенные идеологические и воспитательные задачи.

В одном из анекдотов Николай встречается с саратовским помещиком и, в полном соответствии с отведенной ролью, осведомляется у приезжего, нет ли у него какой просьбы до императора. «Помещик обозвал его чудачком и повторил, что он приехал единственно затем, чтобы увидеть государя и по возвращении на родину рассказать землякам о своих впечатлениях». Отклонением от сценария является продолжение диалога. «А позвольте спросить, кто вы такой?» – спрашивает помещик. – «Я – русский император», – отвечает Николай Павлович. – «Ну, если вы русский, так я, должно быть, китайский император, – захохотав, возразил помещик. – Полно шутить...» Тогда Николай, уже не отступая от роли, называется флигель-адъютантом и ведет помещика во дворец, где он ведет «самый непринужденный разговор с государем и государыней, рассказывая о соседях, о губернской знати, о сплетнях, обнаружив чисто русскую душу нараспашку». Прозрение наступает в тот момент, когда он слышит слова: «Исполнено, ваше императорское величество». Помещик тут же падает на колени и просит у государя прощения, а на другой день, быстро собрав свои вещи, уезжает в Саратовскую губернию [Преображенский, 1991, с. 157–160].

В другой раз император выступает в роли почти сказочного помощника, а его записка – в функции волшебного предмета, помогающего малороссиянину в считанные минуты преодолеть нескончаемую бюрократическую волокиту и получить необходимый для успешной торговли паспорт [Там же, с. 173–176].

По той же схеме строится рассказ, опубликованный в «Русском Архиве» в 1878 г., испытавший значительное влияние рождественских историй: морозной ночью император встречается с несчастным мальчиком-подмастерьем, спасает сироту от неминуемого наказания и определяет его в Кадетский корпус [ИРА, 2000, с. 99–100].

Сравнение сюжетных вариантов, использующих один мотив, но относящихся к разным персонам, делает очевидным акцентирование темы контроля и проверки в анекдотах о Николае I. Николай не столько учится сам, сколько учит дру-

---

¹ Ср.: «Николай держал себя опекуном порядка и попечителем доброй обывательской нравственности...» [Пресняков, 1990, с. 290].

гих, воспитывает и надзирает за исполнением каждым его обязанностей. Конечно, в отличие от Петра Великого, он не строил корабли и не стоял за рулем, но дело не только в стремлении рассказчиков сохранить верность историческим фактам, событийным прецедентам. Отсутствие сюжетов, связанных с темами обучения и мастерства, получившими символическое осмысление, может быть истолковано как проявление иного, изменившегося курса власти. Сотворение новой России закончилось, и на первый план вышла задача сохранения, консервации того, что сделано. «Он почти отказался от воздействия на жизнь страны и замкнулся в охране «порядка», – пишет А.Е. Пресняков о правлении Николая. – Сохранить в неприкосновенности свое самодержавие и задержать, по возможности, победу новых течений жизни – вот и вся его безнадежная задача» [Пресняков, 1990, с. 294].

Отсутствие в анекдотах о Николае I темы правосудия в соединении с мотивом НИ (сюжет «восстановление попорченной справедливости») также представляется вполне закономерным: именно в 30–40-х гг. в самосознании русского дворянства начинает проявляться кризис веры в царя – защитника и судью (см.: [Худушина, 1995, с. 197–231]). Состояние правосудия при Николае I определяется Н. Кутузовым следующим образом: «*Скорее можно достичь до престола Царя Небесного, чем до престола земного*, как говорит народ ваш, и говорит истину. Именем вашего царского величества воспрещено приближаться к вам и подавать прошения во всех пределах империи. <...> Это воспрещение в буквальном смысле значит: сильный делай, что хочешь, а слабый не смей на него жаловаться; и к кому обратиться угнетенному?» [Гершензон, 2001, с. 206–207]¹. Приведенная Н. Кутузовым пословица вызывает в памяти финальные слова Петра Первого из анекдота о капитанской дочке: «Хотя по пословице: Бог высоко, а царь далеко, однако у первого молитва, а у другого служба не пропадает» [Нартов, 1891, № 37].

Итак, мотив НИ, при всем разнообразии сюжетных воплощений и текстовых реализаций, обладает довольно устойчивой морфологической структурой и семантикой и репрезентирует идею монархической власти, далекой от народа, но демонстрирующей заботу о народном благе; способом преодоления дистанции и выяснения истины являются тайные выходы правителя в народ, Встреча государя с подданным, его не узнающим, происходит при разных обстоятельствах, равно как и выход за пределы дворца без знаков величества имеет разную мотивировку, но устанавливается определенная корреляция между именем государя, обозначением цели, по которой он предпочитает остаться неузнанным, и характером первичной идентификации.

Если в анекдотах о Петре Первом наиболее частотным является сюжет «царь и мастер» (или обучение мастерству), то в отношении к последующим правителям на первый план выходят другие сюжетные воплощения мотива НИ, связанные с благодеянием и испытанием/проверкой. Соответственно меняется характер первичной идентификации правителя: Петра чаще всего принимают за мастерового или шкипера, Александра – за простого офицера или гражданское лицо, Николая – за генерала или частного пристава. Черты идеальности сохраняются – в большей или меньшей степени – за каждым правителем, но характер идеала и способы его воплощения меняются в направлении от героического мифа к сентиментальной идиллии.

---

¹ Любопытно, что в «Записках» М. Корфа содержится указание на то, что Николай мог слышать правду под прикрытием маски, но никаких примеров, подтверждающих справедливость высказанного им суждения, не приводится: «Император Николай чрезвычайно любил публичные маскарады и редко их пропускал... <...> Его забавляло, вероятно, то, что тут, в продолжение нескольких часов, он слышал множество таких анекдотов, от важных шуток и проч., которых никто не осмелился бы сказать монарху без щита маски» [Корф, 2003, с. 109].

Очевидно, что составитель, ориентируясь на готовые сюжетные схемы, отбирает те варианты, которые в наибольшей степени отвечают «склонностям» героя, способу репрезентации власти, а также выражают отношение к самодержцу тех общественных слоев или социальных групп, мнение которых он разделяет. В параллельном, одновременном функционировании разных сюжетных вариантов, относящихся к одному правителю, находит выражение наличие в общественном сознании разных уровней осмысления характера власти и личности властителя: от апологетического до критического. Немаловажным является также фактор времени: чем больше дистанция между событием и его фиксацией, слухом и оформлением его в жанре анекдота, тем менее достоверным является рассказ, тем более подвергается влиянию устойчивых, выработанных традицией повествовательных схем.

Таким образом, сюжетные трансформации традиционного мотива НИ в исторических анекдотах на протяжении XVIII–XIX вв. можно рассматривать как частный случай изменений в сфере общественного и литературного самосознания.

Литература

- Александр I – Избранные черты и анекдоты императора Александра I. М., 1826.
- Беляев О.П. Дух Петра Великого императора всероссийского и соперника его Карла XII, короля шведского. СПб., 1798.
- Гено, Томич – Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. / Сост. А. Гено и Томич. СПб., 1901.
- Герхардт М.И. Искусство повествования: Литературное исследование «1001 ночи». М., 1984.
- Гершензон – Состояние государства в 1841 году (Записка Н. Кутузова, поданная императору Николаю I) // Гершензон М. Николай I и его эпоха. М., 2001.
- Голиков И.И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17.
- Дюма А. Путевые впечатления. В России: В 3-х т. М., 1993. Т. 2.
- ИРА – Исторические рассказы и анекдоты. Из жизни русских государей и замечательных людей XVIII – XIX столетий. М., 2000.
- Житие Феодосия Печерского // Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII вв. М., 1978.
- Корф М.А. Записки. М., 2003.
- Ломоносов М.В. Избранные произведения. М.; Л., 1965.
- Масон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996.
- Нартов – Рассказы Нартова о Петре Великом. / Изд. Л.Н. Майкова. СОРЯС, 1891. Т. 52. № 1.
- Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004.
- Никанорова Е.К. Мотив «неузнанного императора в историко-беллетристических произведениях конца XVIII – начала XIX века // Роль традиции в литературной жизни эпохи. Сюжеты и мотивы. Новосибирск, 1995.
- Плутарх. Изречения царей и полководцев // Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. VI.
- Порошин С.А. Записки, служащие к истории великого князя Павла Петровича // Русский Гамлет / С.А. Порошин. А.Б. Куракин. Великий князь Павел Петрович. М., 2004.

Преображенский – Рассказы и черты из жизни русских императоров, императриц и великих князей / Сост. И.В. Преображенский (репринтное воспр. изд. 1901 г.). М., 1991.

Пресняков А.Е. Николай I: Апогей самодержавия // Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990.

Худушина И.Ф. Царь. Бог. Россия. Самосознание русского дворянства (конец XVIII – первая треть XIX вв.). М., 1995.

Тыртов – Анекдоты об императоре Павле Первом, самодержце Всероссийском. Собранные из разных иностранных и российских писателей и изданные Е. Тыртовым // Рыцарь трона / Ф.В. Ростопчин. Аббат Жоржель. Г. Танненберг. М., 2006.

Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. М., 2004. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I.